

Р Р1
Д70

Стефан Стефанович

Гравировано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Дозволено Цензурою СПБ.

Печ. въ артистическомъ зав. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч. № 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ

о

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМЪ,

составленнымъ В. В. РОЗАНОВЫМЪ,

и

съ портретомъ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО,

гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузсмъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1894.

Дозволено цензурою. СПб. 29 ноября 1893 г.

Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

(Критико-біографическій очеркъ).

Ф. М. Достоевскій.

(Критико-біографическій очеркъ).

I.

Теперь, когда съ номерами «Нивы» полное собраніе сочинены покойнаго Достоевскаго будехъ разнесено по самымъ далекимъ и укромнымъ уголкамъ Россіи, дѣйствіе его на умственное и нравственное развитіе нашего общества получить, наконецъ, тѣ размѣры, къ какимъ оно способно по внутреннимъ своимъ качествамъ, безъ всякихъ внѣшнихъ задерживающихъ обстоятельствъ. Толпа слушателей, какую только можетъ пожелать себѣ мыслитель или художникъ, невидимо, неощутимо собрана: что скажетъ онъ ей, въ этомъ и ни въ чемъ другомъ теперь весь вопросъ. Невольно является смущеніе при мысли: что же въ немногихъ строкахъ, въ краткія минуты, какія мнѣ удѣлены на то, чтобы сказать этой толпѣ объ этомъ писателѣ, *слѣдуетъ* сказать?

Что нужно ей отъ писателя? Зачѣмъ, отрываясь отъ насущныхъ дѣлъ, заботъ, иногда обязанностей, читатель беретъ книгу и уединяется съ нею, — уединяется въ себя, но зачѣмъ-то въ сообществѣ съ человѣкомъ, давно умершимъ или далекимъ, котораго онъ не знаетъ и, однако, въ эти минуты уединенія предпочитаетъ всѣмъ, кого знаетъ? Какой смыслъ въ книгѣ, въ чтеніи? Наслажденіе-ли? Но въ непосредственныхъ созерцаніяхъ, въ реальныхъ ощущеніяхъ дѣйствительности оно можетъ быть всегда ярче. Красота-ли? Но развѣ для нея уединяется человѣкъ? Онъ уединяется, чтобы, па минуту оторвавшись отъ частныхъ, отъ подробностей СВОЕЙ ЖИЗНИ, СВОИХЪ ТРЕВОГЪ, обнять ихъ ВЪ ЦѢЛОМЪ, понять эту жизнь въ ея общемъ значеніи. Что скажетъ, что можетъ сказать онъ мнѣ обо мнѣ самомъ и обо всемъ, что такъ тяготитъ меня и смущаетъ въ жизни—вотъ вопросъ, который опредѣляетъ выборъ нами того, кого мы зовемъ съ собою въ уединеніе, или книги, какую избираемъ. «Помоги мнѣ разобраться въ моей жизни, освѣти, научи» — вотъ самая серьезная мысль, съ какою можетъ читатель обратиться къ писателю; думаемъ даже, что это есть единственная серьезная мысль, на ко-

ТОЛЬКО ОДИНЪ КТОРЫЙ-НИБУДЬ ИЗЪ ЭТИХЪ МОМЕНТОВЪ: ТАКЪ ЖИЗНЬ НѢКОТОРЫХЪ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫМЪ МЫ УДИВЛЯЕМСЯ, КОТОРЫХЪ ПОНЯТЬ НЕ МОЖЕМЪ, ЯВЛЯЕТСЯ УТВЕРЖДЕНІЕМЪ И РАЗВИТІЕМЪ ПОДОБНАГО ЖЕ ЕДИНИЧНАГО МОМЕНТА. ВЪ ОБОИХЪ СЛУЧАЯХЪ, ОДНАКО, ЭТО СУТЬ ТОЛЬКО ЧАСТИ ЦѢЛНАГО ПРОЦЕССА, ОДНОРОДНОСТЬ КОТОРЫХЪ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ИЗЪ СОВЕРШЕННОЙ ИХЪ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ СЪ ДРУГИМИ СМЕЖНЫМИ ЧАСТЯМИ. Все, что, рождаясь, достигаете естественна™ конца и вмѣстѣ одарено высшимъ сознаниемъ, не можетъ избѣгнуть ни одного изъ этихъ моментовъ.

Если, однако, мы всмотримся въ ихъ соотношеніе, то увидимъ, что въ наблюдаемой действительности средній момента чрезмерно преобладаетъ надъ остальными двумя. Въ исторіи паденіе, преступленіе, грѣхъ—это центральное явленіе ¹⁾: въ немъ бьются безсильно индивидуумы, народы; о немъ учитъ и съ нимъ борется религія; тѣнью своею оно задѣваетъ, наконецъ, и высокое художество. II, между тѣмъ, смыслъ этого момента только относительный: преступное, грѣховное—это преступное противъ чего-то, что ранее ему предшествовало и было лучше его; это — паденіе, отъ котораго нужно подняться къ чему-то, вновь возродиться. Этимъ значеніемъ своимъ, обращеннымъ къ прошедшему и будущему, онъ указываете на другіе два момента, которыхъ, однако, только просвѣтъ, только краевое сіяніе мы наблюдаемъ въ текущей действительности и исторіи; и вотъ почему ихъ яркое выраженіе, полное осуществленіе человѣкъ переноситъ за границы имъ проходимаго на земле бытія—къ своему до-земному существованію и послѣ—загробному. Мысль о безсмертіи своей души, такъ трудная, такъ непостижимая ²⁾, не только постигается

*.) Мы говоришь «центральное» по тѣмъ усилямъ, по той степени вниманія къ себѣ, какой требуетъ грѣхъ, преступленіе, вызывая на борьбу съ собою религію, законодательство, поэзію. Но не слѣдуетъ забывать, однако, что въ нихъ содержится отступленіе отъ нормы, и въ жизни норма естественно преобладаетъ надъ свончъ исключеніемъ, *не возбуждалъ къ себѣ. тѣмъ не менѣе, нашего вниманія*, не вызывая ужаса, удивленія, сожалѣнія—и потому какъ бы затѣняется въ своей значительности порокомъ. Какой-нибудь всемірно-извѣстный примѣръ, взятый хотя бы изъ поэзіи, лучше всего пояснить нашу мысль: Гретхенъ (въ «Фаустѣ») только разъ согрѣшила, долгие годы она была безпорочна,—и долгие годы были забыты, ея окружающими—не припомнены: *ими* помнится, и *намъ* внушаетъ горестъ, вызываетъ на размышленія день только ея паденія. Въ судьбѣ ея—онъ центральныи, не будучи центральнымъ по времени, преобладающимъ по положенію въ ряду другихъ фактовъ ея жизни.

²⁾ Здѣсь и ниже, и, вообще, во всей оцѣнкѣ разсматриваемаго писателя, читатель да проститъ мнѣ освѣщеніе, субъективность котораго онъ не можетъ не почувствовать, и я не хочу ее скрыть. Но какъ иначе, какъ, не исходя изъ *частностей* своего душевнаго склада, *могъ бы критикъ* искренно и внимательно освѣтить писателя, — не

человѣкомъ, но И становится неотделимою отъ его сознанія, какъ только онъ глубоко погружается въ смыслъ греха, и еще более, когда онъ погружается въ него не мыслью одною своею, но всею природою,—когда онъ глубоко греховенъ, преступенъ. Нѣтъ чело- века, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни былъ полонъ отрицанія, СОМНЕНІЯ, который, преступивъ какой-нибудь коренной законъ своего существа, въ меру того, какъ преступилъ—не почувство- валъ бы тотчасъ, какъ напрасны были все его вѣрованія, что съ землею для него кончается все; нѣтъ народовъ, которые на

забывая, если онъ разсудителенъ, ни на минуту, что въ освѣщаю- щемъ источникѣ зрѣсь есть именно частности, и, слѣдовательно, тре- буетъ поправокъ, оговорокъ, дополненій самое освѣщеніе. Такъ и въ идеѣ безсмертія души человеческой: конечно, необозримымъ на- роднымъ массамъ она ясна, отчетлива въ себѣ самой, непоколебима въ ихъ сердцахъ: и остается трудна для всѣхъ слоевъ общества, въ силу неблагоприятныхъ историческихъ условій потерявшихъ со сво- нымъ народомъ связь.—что не затрогиваетъ и не предвѣщаетъ вопроса о томъ, на чьей сторонѣ остается истина. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣ- и цѣлымъ народамъ, не знавшимъ, собственно, умственного развитія, идея единобожія ясна, отчетлива, необходима отъ рожденія (семити- ческія племена); тогда какъ греки, напримѣръ, до той же идеи воз- высились путемъ долгихъ и мучительныхъ усилій мысли (не ранее, какъ во времени Платона и Аристотеля). Мы можемъ, взявъ другой цѣкъ идей, понять, где здѣсь истина: можемъ представить народъ, уже отъ рожденія одаренный совершенно яснымъ геометрическимъ созерцаніемъ, не путающійся въ геометрическихъ опредѣленіяхъ, не затрудняющійся въ выводахъ, твердый въ аксіомахъ и во всемъ, что изъ нихъ слѣдуетъ: прочіе народы смотрѣли бы на него съ удивле- ніемъ, его знаніямъ не доверяли бы,—до тѣхъ поръ, пока съ трудомъ и медленно сами до нихъ не возвысились бы. Такого народа-геометра нѣтъ; но есть народъ-единобожець, и мы можемъ даже понять, почему изъ всѣхъ идей человѣческихъ эта стала врожденною для обшир- наго и до сихъ поръ не умирающаго племени: идея единобожія, какъ показываетъ этнографія и исторія, необыкновенно трудна для чело- вѣка, и, предоставивъ до остального восходить ему, это нужно было ему открыть. Такъ точно и идея безсмертія души не менѣе трудна для «естественнаго» разума,—припомнимъ только затрудненія Федона, не говоря о слабѣйшихъ. Эта, какъ и другія родственныя идеи, данна въ человѣку, а не найденныя имъ, для ума, который, пройдя путь искус- ственнаго и ложнаго образованія, возвратился къ ограниченности своихъ естественныхъ логическихъ силъ, не ясна, трудна—и вотъ, нужно что-нибудь особенное, чтобы онъ изъ почувствовалъ. Къ этому особенному, исключительному, рѣдкому принадлежитъ и грѣхъ, преступное, что совершивъ, человѣкъ думаетъ, что погрѣшилъ лишь противъ человека, но по особенностямъ, по необъяснимымъ свой- ствамъ своего внутренняго страданія, начинаетъ понимать, что онъ погрѣшилъ противъ кого-то еще, открываетъ Бога; не находя нака- занія на землѣ, ищетъ его за гробомъ, понимаетъ безсмертіе души своей. Вотъ путь, далекій отъ естественнаго, отъ даннаго человѣку, но которымъ по необходимости онъ бредетъ, потерявъ этотъ есте- ственный путь.

исходе своего историческаго труда, и труда серьезнаго, не были бы проникнуты этимъ же убѣжденіемъ. Только въ светлые, юные моменты жизни своей народы-ли, или отдельные люди, равно бывають далеко отъ этихъ идей: рожаясь и умирая въ въ томъ краевомъ сіяніи, о которомъ мы упомянули, они думаютъ, что нѣтъ, этою смесью относительной темноты и относительнаго света, исчерпывается все возможное бытіе. Какъ бы то ни было, но въ законѣ, что именно среди глубочайшаго мрака человѣкомъ постигается главная истина его бытія, содержится условіе перехода его къ утвержденію этой истины въ своемъ сознаниіи и жизни; сущность греха такова, что она предполагаетъ возрожденіе:

Чѣмъ ночь темнѣе — тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь — тѣмъ ближе Богъ.

Въ этихъ двухъ стихахъ — смыслъ всей исторіи, и исторія душевнаго развитія тысячъ душъ.

Проникновеніе въ законъ этотъ, и не только умомъ своимъ, но сердцемъ, совѣстью — составляетъ особую, ни съ кѣмъ не разделенную сферу духовнаго опыта Достоевскаго. Можно сказать, что въ то время, какъ другіе великіе художники, его современники (Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, гр. Л. Толстой), заняты были воспроизведеніемъ перваго момента — это было великолепное рисованіе общества и народа въ его исторически сложившемся бытѣ, въ его непосредственной ясности, — все его произведенія посвящены изображенію момента втораго и указанно изъ него выхода. Въ этомъ послѣднемъ указаніи — объясненіе особаго характера его романовъ, повѣстей, все зовущихъ куда-то, или грозящихъ, хотя, невидимому, они только изображаютъ, рисуютъ. Онъ кончилъ «Дневникомъ Писателя», субъективнейшею формой бесѣды-ли съ собою, или, какъ въ данномъ случаѣ, обращенія къ окружающимъ; страницами этого дневника, въ сущности, были и все его романы, повѣсти, съ однообразнымъ колоритомъ, на всѣхъ ихъ лежащимъ, однимъ языкомъ, которымъ говорятъ все лица. Это относится къ формѣ его творчества; напротивъ, если мы обратимся къ главному въ немъ, къ содержанію, мы и самый «Дневникъ», и все остальные произведенія поймемъ, какъ обширныи и разнообразный комментарии къ самому совершенному его произведенію — «Преступленіе и наказаніе». Въ романѣ этомъ намъ дано изображеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыя, захватывая душу человѣческую, влекутъ ее къ преступленію; видимъ самое преступленіе; и тотчасъ, какъ совершено оно, съ душою преступника мы вступаемъ въ незнакомую намъ ранее атмосферу ужаса и мрака, въ которой намъ почти такъ же трудно дышать, какъ и ему. Общій духъ романа, неулови-

мый, неопределимый, еще гораздо замѣчательнѣе всѣхъ отдѣльныхъ поразительныхъ его эпизодовъ: какъ — это тайна автора — но онъ, действительно, подносить намъ и даритъ ощутить преступность всѣми внутренними фибрами нашего существа; сами мы, ведь, не совершили ничего, и, однако, окончивъ чтеніе, точно выходимъ на воздухъ изъ какой-то тѣсной могилы, где были заключены съ живымъ лицомъ, въ ней похоронившимъ себя, и съ нимъ вмѣстѣ дышали отравленнымъ воздухомъ мертвыхъ костей и разлѣзающихся внутренностей. Колоритъ этого романа, и уже затечъ эпизоды его, весь онъ въ своей неразрывной цѣльности — есть новое и удивительное явленіе во всемірной литературе, есть одно изъ глубочайшихъ словъ, подуманныхъ человекомъ о себѣ. Возрожденіе — здѣсь только издано показано намъ; «его исторія должна бы составить новый романъ...» никогда не написанный; мы и въ другихъ произведеніяхъ Достоевскаго имѣемъ все только этотъ же колоритъ, дышимъ все тою же атмосферой душевнаго ужаса и мрака; среди его играютъ лучи ослѣпительнаго света, также ни откуда еще намъ неизвестной душевной чистоты и свѣтлости. Вотъ все, что мы у него находимъ; но, вѣдь, это и *все*, чѣмъ въ глубочайшей сущности исчерпывается человекъ и его земное странствіе. Прочее — за гробомъ, прочее — въ ожиданіи, въ надежде; да и могли-ли бы мы, въ этой брэнной оболочке своей, въ этихъ земныхъ условіяхъ, надолго вынести этотъ ослѣпительный светъ? Умереть, узнавъ о себе окончательную истину, это такъ естественно, почти необходимо; для чего бы еще жить, мястись душою, изменяться, когда самого условія для этого, невѣдѣнія — нѣтъ более?

Зовъ къ этому свету, къ этому выходу — вотъ что составляетъ второй момента въ деятельности покойнаго писателя, то, что такъ поверхностно, такъ не глубоко, приравнивая къ *своему*, звали его «публицистикой»; о, конечно, это было обращеніе, но уже почти не къ читателю, а къ *ближнему* своему, котораго онъ предостерегалъ, которому грозилъ, отъ котораго требовалъ. Да, это былъ, если ужъ нельзя отвязаться отъ непріятнаго слова, всемірно-историческій публициста, интересы котораго были вне своего дня, зовъ котораго былъ обращенъ къ векамъ и народамъ, взоръ — обращенъ въ вечность. Нѣтъ, это ошибка сказать, что онъ былъ «публициста 60—70 годовъ»: къ этимъ-ли годамъ относится «Легенда о Великомъ Инквизиторѣ» (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»), къ нимъ-ли — изображеніе будущаго атеистическаго состоянія людей (разговоръ Версилова со своимъ сыномъ въ «Подростке»), «Сонъ смешного человека» (въ «Дневнике Писателя»)? Конечно, не более къ нимъ, чѣмъ и къ цельной всемірной исторіи, возвести къ глубочайшему смыслу которой свой

преходящій моментъ—вотъ что составляло его задачу и что сказать о немъ — значить, действительно, определить его значеніе. Печать эпохи его, встревоженной, мятущейся, лежитъ и на его взволнованныхъ трудахъ; къ счастью, однако, онъ уберется отъ обычныхъ путей своего времени даже еще въ ученическіе годы *), и въ своемъ мощномъ воображеніи, гениальномъ уме и сердце, на тѣхъ уединенныхъ путяхъ, которыми проходилъ жизнь, несколько переиначивъ действительность, возвелъ ее къ вѣчному смыслу и значительности. 60-е—70-е годы почти уже умерли въ своемъ *точномъ* и *ограниченномъ* смысле; не такъ уже смотримъ мы на дела ихъ и рѣчи, многое растеряли изъ нихъ и не особенно дорожимъ оставшимся; еще всплескъ исторической волны, и все будетъ залито тамъ; но какое время, какія новыя заботы, более высокія созерцанія зальютъ безсмертныя страницы «Преступленія и наказанія», «Братьевъ Карамазовыхъ», гдѣ все, что было въ то время, что на минуту, условно и ограниченно, *мелькнуло*,—въ гениальномъ уме ихъ творца вошло на вечное *есть*, стало для всѣхъ временъ неумирающей *ихъ* тревогой?

Всѣ остальные черты въ творчестве Достоевскаго, нередко выставляемыя, какъ главныя, составляютъ только детальную разработку этой основной темы. Неутолимое страданіе, нищета, **развратъ** — что такъ широко разлито на его **страницахъ** — это только гноище, на **которомъ** по закону необходимости вырастаете преступное; искаженные характеры, то возвышающіеся до гениальности, то ниспадающіе до слабоумія—это отраженіе того яже преступна™ въ **человѣческихъ** генераціяхъ, наконецъ, это борьба съ нимъ человека и безсиліе его победить; среди хаоса **беспорядочныхъ** сценъ, забавно-нелѣпыхъ **разговоровъ** (быть можетъ, умышленно пагромажденных авторомъ)—чудные діалоги и монологи, содержание высочайшее созерцаніе судебъ человека на **землѣ** — здесь и бредъ, и ропота, и высокое **умиленіе** его страдающей души. Все въ общемъ образуетъ картину, одновременно и изумительно верную **дѣйствительности**, и удаленную **отъ** нея въ какую-то безконечную абстракцію, где черты высокаго искусства перемешиваются съ чертами морали, политики, философіи, наконецъ, религіи, вездѣ съ жаждою, скорее потребностью не столько передать, сколько сотворить, или, по крайней мере, переиначить. Удивительно, въ эпоху совершенно безрелигіозную, въ эпоху **существеннымъ образомъ** разлагающуюся,

) Я хочу сказать, что, пройди онъ обычную школу, напримеръ Университет (смотри па него не изъ *дали* своего воображенія) фигуръ Раскольникова и Ивана Карамазова онъ не могъ бы создать—а безъ **этихъ** двухъ образовъ и ими сказаннаго—**чѣмъ** было бы все остальное, **имъ** написанное? Прекраснымъ **тѣломъ** безъ готовы

хаотически смѣшивающуюся.—создается рядъ произведеній, образующихъ въ цѣломъ ЧТО-ТО напоминающее религіозную эпопею, однако со всѣми чертами кошунства и хаоса своего времени. Все подробности здѣсь — *наше*; это — *мы*, въ своей плоти и крови, безконечномъ грѣхѣ и искаженіи говоримъ въ его произведеніяхъ; и, однако, во все ЭТИ подробности вложенъ не нашъ смыслъ, или, по крайней мѣрѣ, смыслъ, котораго мы въ себе не знали. Точно кто-то, взявъ наши хулящіе Бога языки и ничего не ИЗМЕНЯЯ въ нихъ, сложилъ ихъ такъ, такъ сочеталъ тысячи разнородныхъ ихъ звуковъ, что уже не хулу мы слышимъ въ окончательномъ и общемъ созвучіи, по хвалу Богу: и, сѣ удивляясь. ея дичась—къ пей влечемся.

И.

Сказаннаго мы считаемъ достаточнымъ, чтобы ввести читателя въ духъ и въ смыслъ произведеній Достоевскаго: теперь скажемъ несколько словъ о его жизни.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій род. 30 октября 1821 г. въ Москвѣ, где отецъ его состоялъ докторомъ при Маріинской больнице для бедныхъ; семья, гдѣ онъ росъ, съ братьями и сестрами, была небогатая, трудовая, религіозно пастроенная; съ ранняго утра и почти целый день отецъ былъ занятъ службою и практикой въ городе; съ 4—5 лѣтъ началось обученіе дѣтей чтенію: редки были выходы изъ дому, какъ и пріемы гостей; сверхъ обычая—общественныя удовольствія (театръ); вся жизнь сосредоточивалась въ семьѣ. и потому эта семья была въ высшей степени воспитательна для дѣтей. Изрѣдка, разъ въ годъ, они ѣздили съ матерью въ Троице-Сергіевскую лавру; вечеромъ, когда отецъ былъ свободенъ отъ занятій, собирались все вмѣстѣ и читали избранныя места изъ «Исторіи» Карамзина или что-нибудь изъ серьезной литературы (отецъ и мать читали попеременно; подростки, имъ помогали старшія дѣти; младшія слушали); вмѣстѣ же. семейно. совершались прогулки въ близъ лежащей Марьиной рощѣ. Печать упорядоченности, благообразія. строгости лежала здесь на всемъ строе, и отсюда ЛС она ложилась, какъ первое основное впечатлѣніе, и на душу дѣтей.

Когда Федору исполнилось 10 лѣтъ, отецъ его купилъ небольшое имѣніе, въ Тульской губ., въ 150 верстахъ отъ Москвы, и съ тѣхъ поръ съ ранней весны и до поздней осени лѣто проводилось здесь; къ этому времени относятся первыя впечатлѣнія его изъ деревенской, крестьянской жизни. давшія, безъ сомнѣнія, запасъ преднамѣренно сдѣланныхъ наблюденій, послужившихъ основою его позднѣйшихъ упорныхъ утвержденій о нашемъ простомъ народѣ. Почти въ то же время началось более серьезное

подготовленіе дѣтей отцомъ къ средней школѣ, куда Федоръ поступилъ 14 лѣтъ; казенное заведеніе при этомъ было благо- разумно обойдено; частный пансіонъ Л. И. Чермака, куда онъ по- ступилъ вслѣдъ за старшимъ братомъ Михаиломъ, отличался чистымъ семейнымъ характеромъ внутри, и высокою постановкою учебнаго дела (въ числѣ преподавателей старшихъ классовъ было нѣсколько профессоровъ университета); здѣсь проводили маль- чики неделю, а въ субболу они возвращались домой, куда въ то же время возвращалась и мать пансіона сестры. Въ 1837 г. они потеряли нежно любимую мать, умершую отъ чахотки, и, нужно думать, это былъ моментъ, когда окончилось для старшихъ брать- евъ безпечное отрочество и началась юность. Федоръ былъ отве- зенъ въ Петербурга и отданъ въ Инженерное училище. Хотя это учебное заведеніе было выдающимся въ свое время (оно пользовалось особымъ вниманіемъ великихъ князей сперва Ни- колая Павловича, а потомъ Михаила Павловича), но оно не ока- зало, повидимому, какого-либо вліянія на Достоевскаго. Духъ и интересы, здѣсь господствовавшіе, имѣя много въ себе хоро- шаго (отсюда вышли, между прочимъ, Тотлебенъ, Радецкій и мн. др.), были не тѣмъ хорошимъ, къ чему влеклась его душа, уже начинавшая окрыляться. И по воспоминаньямъ, и по пись- мамъ судя, онъ является здѣсь угрюмымъ, любившимъ уединяться юношей, не принимавшимъ участія въ жизни товарищей. Это было для него время обильнаго чтенія; а отсутствіе сверстниковъ, которые жили бы тѣми же интересами, какъ и онъ, сделало то, что въ тысячахъ оцѣнокъ, взглядовъ, словомъ, во всѣхъ первыхъ изгибахъ своего развитія, онъ могъ опереться только на СВОЙ умъ и сердце, что не могло не повести къ преждевременной серьезности его и самостоятельности. До чего ранне было его развитіе, и какъ глубоко онъ былъ отъединенъ отъ окружающей его среды, можно судить изъ того, что уже здѣсь, вставая по- тихоньку ночью, онъ создавалъ своихъ «Бѣдныхъ людей» — трудъ, по которому мы должны оценивать его душевное состояніе за это время, и въ этой оценке не можемъ не признать въ немъ человека, совершенно сформировавшагося въ своихъ взглядахъ; поэтому, всѣ послѣдующія его подчиненія (Белинскому, или въ кружке Петрашевскаго) разнороднымъ вліяніямъ были, безспорно, только кажущимися, — только слѣдованіемъ правилу *audiaturret altera pars*, безъ какого-либо внутренняго подчиненія этой другой сторонѣ, и очень часто, вероятно, съ большою долею къ ней пренебреженія.

Въ 1843 г. онъ вышелъ изъ училища (отца онъ потерялъ еще ранѣе, въ 1839 г.), и первые годы, затѣмъ слѣдовавшіе, посвящалъ служебнымъ занятіямъ, безъ какого-либо къ нимъ

влеченія. и страстно любимому литературному труду, долго безъ какого-либо определенна™ результата. Мало-ло-малу, однако, онъ сосредоточился вновь на давно выношенныхъ образахъ и въ 1845 г. передалъ товарищу своему по училищу, Д. В. Григоровичу, оконченную рукопись «*Блѣнныхъ людей*» для задуманнаго Некрасовымъ «Петербургскаго Сборника». Повесть произвела чрезвычайное впечатлѣніе, хотя смыслъ ея не былъ очень ясенъ въ то время даже для Бѣлинскаго (восторженно ее встрѣтившаго); особеннаго, оригинальнаго, чѣмъ Достоевскій, тогда еще съ немногимъ двадцатилѣтній юноша, стоялъ выше старѣющаго поколѣнія 30—40-хъ годовъ, въ немъ не было замечено, да и онъ самъ, кажется, не настаивалъ на немъ, зная, что время высказаться еще не уйдетъ. а пока не безъ ребячества отдаваясь упоенію успѣха того, что было въ немъ понято. Впослѣдствіи онъ сблизился съ Бѣлинскимъ, а потомъ съ кружкомъ лицъ. группировавшихся около Петрашевскаго. въ обоихъ случаяхъ скорѣе съ целями выслушать и оспорить, нежели сколько-нибудь подчиниться. Вообще. какого-либо перелома на всемъ протяженіи развитія Достоевскаго мы не наблюдаемъ; ничего, кромѣ расширенія духовнаго опыта, захвата новыхъ сферъ въ область обдумываема™ и изображаемаго, дальнѣйшаго углубленія, но все въ одной идеѣ—мы у него не видимъ. Въ этихъ коренныхъ своихъ идеяхъ онъ уже съ самаго начала расходился и съ Бѣлинскимъ. и съ Петрашевцами, сходясь и съ первымъ, и со вторыми на отсутствіи какой-либо скрѣпленности съ текущею действительностью. Долгое вращеніе, и въ пору самой яркой воспримчивости, въ кружкахъ съ идеями «о переустроеніи челоѣчества» оставило, однако, одинъ сильный слѣдъ на всей его послѣдующей деятельности: онъ какъ будто и во всемъ, что потомъ дѣлалъ, о чемъ писалъ, продолжалъ оспариваніе этихъ идей—въ «Запискахъ изъ подполья», въ «Преступленіи и наказаніи», въ «Бѣсахъ», «Подростке», «Братьяхъ Карамазовыхъ»: только темы безгранично расширились, сила оспаривающаго возросла, но онъ, который оспариваетъ. все тотъ же—съ слезами, выступающими на глазахъ, когда говорятъ неподобающе о Христа (споры съ Бѣлинскимъ), съ признаніемъ народной правды, съ ожиданіемъ всего отъ исторически сложившейся власти и съ недоверіемъ, пренебреженіемъ почти, къ нашему верхнему выветрившемуся слою общества. Но это, конечно, не могло быть сколько-нибудь понято официальной властью, которая въ своихъ посредствующихъ инстанціяхъ есть только выразительница текущей действительности, и отверженіе последней уже считаетъ преступленіемъ, хотя бы преступное было именно въ отвергаемой действительности. Это различіе и отразилось на судьбѣ Достоевскаго.

23 апреля 1849 г. послѣдовалъ арестъ Петрашевцевъ, п въ числе ихъ Достоевскаго, который обвинялся, главнымъ образомъ, за чтеніе въ одномъ собраніи рукописна™ письма къ Гоголю Бѣлинскаго, въ которомъ ПОСЛѢДНІЙ отвѣчалъ на «Выбранныя места изъ переписки съ друзьями». РЕЗКОЕ осужденіе въ этомъ письме нашей тогдашней действительности и сочувствіе этому осужденію со стороны Достоевскаго дало поводъ и его занести въ кругъ лицъ, злоумышлявшихъ на нашъ государственно-историческій строй, и онъ, вмѣстѣ съ остальными 34 арестованными, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ суда былъ, однако, смягченъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, и смертная казнь отменена для всѣхъ; но осужденные узнали объ этомъ только на эшафоте; когда онъ былъ имъ прочтенъ, имъ предложено было исповедоваться, и всѣ командныя слова разстрѣлянія, кроме послѣдняго, были произнесены. Минуты ожиданія смерти были для каждаго таковы, что одинъ изъ приговоренныхъ, Григорьевъ, когда его отвязали отъ столба, оказался помешавшимся въ разсудкѣ.

Для Ф. М. Достоевскаго смертная казнь заменена была 4 годами каторги, съ зачисленіемъ потомъ въ рядовые. «И въ каторге не зѣри, а люди, — можетъ еще п лучше меня, можетъ достойнѣе меня», эти слова, сказанныя въ ночь передъ Рождествомъ, при окончательномъ прощаніи, любимому брату Михаилу, вполне точно выражаютъ отношеніе его къ тому, что предстояло вынести; это именно отношеніе, въ которомъ сказалась вся его душа — глубокая, простая п кроткая, — и спасла его въ каторгѣ, и не только спасла, но умудрила, очистила отъ наносной гари, которая въ обычномъ теченіи всегда образуется на поверхности души каждаго изъ насъ. Громадная сфера для наблюденій открылась ему здѣсь; и продолжительное время одиночества — для размышленій *). Здѣсь видѣлъ онъ человека обнаженнымъ, голычъ; видѣлъ его въ пенстощимомъ разнообразіи душевныхъ типовъ; наконецъ — въ паденіи, среди котораго ясно можно было различить, какъ образъ Божій, все-таки, не снятъ ни съ одного изъ нихъ.

1 марта 1854 г. для него окончился срокъ испытанія; еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы его видимъ въ Семипалатинске, рядовымъ Сибирскаго линейна™ № 7 батальона. И почти въ

*) « Несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи и полюбилъ наконецъ это уединеніе... Я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, судилъ себя неумолимо и строго и даже въ иной часъ боаюсловлялъ судьбу за то, что она послала мне это уединеніе безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни ».

то же время замыслы **повыхъ художественныхъ созданій** начинать тесниться въ его умѣ; къ этому времени относятся первые наброски его «Мертваго дома» и замыселъ, въ неясныхъ еще **очеркахъ, двухъ большихъ романовъ**. Но ранѣе, чѣмъ они успѣли сколько-нибудь вырисоваться въ его **воображеніи**, онъ **набросалъ** «Дядюшкинъ сонъ» и «Село Степанчиково и его обитатели»; это была, кажется, жажда давно умершаго для литературы и жизни человека вновь ощутить себя **живущимъ—видѣть** страницы, замелькавшія сценами, вышедшими изъ этой вотъ, давно похороненной, головы. Къ этому же времени, еще до возвращенія въ **Россію**, относится его первый бракъ (въ 1857 г.) съ вдовою Марьей Дм. Исаевой, **принесшій**, какъ **кажется**, ему на ряду съ радостями и много мучительнаго.

Въ 1859 г. последовало **увольненіе** его изъ военной службы и **возвращеніе** въ Россію, сперва безъ права жить въ **столицахъ**, а **наконецъ—и** безъ какихъ-либо **ограниченій**. и **тотчасъ, вслѣдъ** за этимъ, развертывается во всей широте его **литературная** деятельность, художественная и публицистическая. Вторая, **главнымъ** образомъ, выразилась въ изданіи (вмѣстѣ съ братомъ **Михиломъ**) журналовъ «**Время**» (1861—1863 гг., закрытъ былъ цензурою по недоразумению) и «**Эпоха**» (съ января 1864 — по февраль 1865 г.), но **главнымъ** образомъ въ его **полномъ** **высокаго** одушевленія и **разнообразія** таланта, «**Дневникъ Писателя**» (1876—1877 гг.). **Міросозерцаніе** народное, какъ **общая почва**, на которой можетъ единственно правильно **возрастать** всякое индивидуальное **развитіе**; Россія, исторически **возникшая—какъ** фундамента и рядъ звеньевъ, на который налагая **дальнѣйшія** звенья, мы только и **можемъ** правильно трудиться, вотъ **вкратцѣ** формула **тѣхъ** взглядовъ, которые онъ **проводилъ** въ своей публицистической деятельности и на которыхъ онъ сошелся съ рядомъ писателей, образующихъ единственную у насъ школу оригинальной мысли (И. Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ и Иванъ Аксаковы, Ю. Самаринъ, Ап. Григорьевъ, Н. Данилевскій, К. Леонтьевъ, Н. Страховъ и мн. др.); это, такъ называемая, школа **славянофиловъ** • — названіе очень узкое и едва-ли точно **выражающее** смыслъ школы. Правильнее было бы назвать ее школою протеста **психическаго** склада русскаго народа противъ всего, что создано **психическимъ** складомъ романо-германскихъ народовъ,—протеста, сперва выразившагося въ **смутномъ, безотчетномъ** отчужденіи, а **потомъ** и въ полной **сознанія** критике и отверженіи **этихъ созданій** и **тѣхъ** началъ, изъ которыхъ они вышли. Начала **противоположныя**, и **частью высшія**, были указаны ими въ народѣ нашемъ: гармоніи, согласія частей ~~взаимнѣ~~ ~~антагонизма~~ ~~ихъ~~ ~~какой мы видимъ на Западѣ въ~~

борьбе сословій, положеній, классовъ, въ противоположеніи церкви государству; начало *довѣрія*, какъ естественное выраженіе этого согласія, которое, при его отсутствіи, заменилось подозрительнымъ подматриваніемъ другъ за другомъ. системою договоровъ, гарантій, хартій, — конституціонализмомъ Запада, его парламентаризмомъ; начало *цѣльности* отношеній ко всякой действительности, даже къ самой истинѣ, которую народъ нашъ различаете и ищите не обособленнымъ разсудкомъ (раціонализмъ, философія), но и нравственною стороною своею, полнотою своего существа; наконецъ, въ церкви — начало *соборности*, вѣнчающая все собою любовь, сліянность съ ближнимъ, — что такъ противоположно римскому католицизму, съ его *внѣшнимъ* механизмомъ папства, подавляющимъ собою, но не организующимъ въ себѣ, жизнь духа, — и не похоже такіяе на протестантизмъ, который, отвергнувъ это давящее *извнѣ* единство, не понявъ начала *внутренняго* согласія, кинулся въ разрозненность, думая въ ней сохранить свободу, и сохраняя только *произволъ*. *Всѣ* эти начала, *слѣды* которыхъ еще сохраняются въ нашемъ простомъ народѣ, въ его «мірскомъ» владѣніи землей, въ его склонности къ артельной *формѣ* труда, въ преданности его *верховой* власти, безусловно свободной въ своихъ *рѣшеніяхъ*, но и за то прислушивающейся безъ страха къ свободному же выраженію боли, страданія, къ голосу «земли» (народа), — начала эти *обѣщали-бы* въ полномъ своемъ развитіи жизнь болѣе высокую, гармоничную, примиренную, нежели въ какой томится Европа, вовсе не догадывающаяся о причинахъ этого томленія, о ложности самыхъ принциповъ, на которыхъ построена ея *цивилизация*. Славянофильская школа, долгое время гонимая официально и пренебрегаемая нашимъ темнымъ обществомъ, только въ последнее время получила если не въ жизни (все еще текущей по инерціи въ прежнемъ направленіи), то въ сознаніи лучшей части образованныхъ круговъ Россіи, свое признаніе и торжество. И ничто не способствовало этому въ такой *мѣрѣ*, какъ распространеніе Достоевскаго: его творенія, всюду чтимаго, его *рѣчь* на Пушкинскомъ праздникѣ — это такія памятные слова, которыя не могли не врезаться въ мысль каждаго; и съ *ними* — *новыя* начала сознанія, внесенныя славянофилами, стали печатью въ душевномъ складѣ каждаго, только болѣе или менѣе мешающеюся съ другими, но никогда и ни въ комъ не исчезающею. «Правда народная» получила въ лицѣ Достоевскаго такого по *силѣ* и настойчивости выразителя, какого не имела никогда ранѣе. Онъ былъ ея Аарономъ; и *рѣчь* его потому именно звучала такъ твердо, что онъ чувствовалъ за собою *несмѣтныя* пародныя толпы, которыя, не будь *опъ* *нѣмы*, заговорили-бы то именно и такъ именно, что и какъ говорилъ онъ.

Одновременно съ этимъ развивалась и его художественная деятельность, въ которой онъ былъ уже не выразителемъ, а творцомъ. Начиная съ 1861 г., появляется длинный рядъ его произведеній, уже гораздо болѣе глубокихъ по замыслу и широкимъ по рисунку, чѣмъ прежнія: «*Записки изъ Мертваго дома*»—рядъ очерковъ каторги, въ которыхъ мы имѣемъ единственное изображеніе этого забытаго и отверженнаго людьми міра; «*Униженные и оскорбленные*»—романъ, отличающійся мягкимъ, грустнымъ и вмѣстѣ простымъ своимъ колоритомъ; «*Записки изъ подполья*»—одно изъ глубочайшихъ по мысли и самыхъ оригинальныхъ по характеру созданій Достоевскаго; «*Идиотъ*»—произведете, замечательное тѣмъ, что здѣсь въ характере лица, ведущаго отъ своего имени рассказъ, есть много біографическаго *). «*Вичный мужъ*»; «*Преступленіе и наказаніе*»—самое законченное въ своей формѣ и глубокое по содержанию произведете, въ которомъ онъ выразилъ свой взглядъ на природу человека, его назначеніе и законы, которымъ онъ подчиненъ, какъ личность; «*Идиотъ*»—это было его любимое созданіе, кажется—самое свободное, наименее связанное съ волненіями текущей действительности; странный колоритъ лежитъ на этомъ романѣ; все фантастично здѣсь, и, вмѣстѣ, какъ будто это фантастическое—звѣздный, мерцающій свѣтъ, падающій на сѣрую нашу действительность изъ далекаго, далекаго будущаго. Колорита этого романа, но уже съ чертами болѣе ясными и поразительными въ своемъ смыслѣ, повторяется въ двухъ только произведеніяхъ: «Сонъ смѣшного человека» (въ «Дневнике Писателя») и въ разговорѣ Версилова съ «подросткомъ» (см. «Подростокъ»), и, отчасти, въ знаменитой Пушкинской рѣчи;

*) Подобныя біографическія черты, чрезвычайно значащія для объясненія душевнаго склада самого Достоевскаго, мы еще находимъ въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» (и его прототипъ—«Бѣлыхъ ночахъ»), «Идиотъ» и «Запискахъ изъ подполья»; можно сказать, что повсюду въ письмахъ, въ воспоминаніяхъ, въ самомъ художественномъ творчествѣ онъ является съ чертами котораго-нибудь изъ главныхъ выведенныхъ здѣсь лицъ: какъ теоретикъ—это человеку угрюмаго Подполья, гениальный діалектикъ, недоверчивый и презирающій людей,—и въ то же время ненавидящій действительность скептикъ; какъ журналистъ, какъ человеку своего времени, отчасти какъ членъ общества—это задушевный, простой, измученный своимъ сердцемъ и нуждою другъ Наташи («Униж. и оскорбл.»); въ своемъ дурачествѣ, пренебреженіи къ жизни, къ будущему, въ своей вульгарной сторонѣ—это «игрокъ». Въ «идиотѣ» отражено его сердце въ идеальномъ успокоеніи, вмѣстѣ и отчужденное отъ людей на какую-то безконечную высоту, и совершенно слитое съ ихъ нуждами, страданіями; этотъ странный образъ есть до известной степени то, что каждый поэтъ зоветъ своею «музою»,

аскетизмомъ, чистотой, высшимъ духомъ примиренія и съ страданіемъ человека, и съ его бедностью духовною, вѣтъ отъ всѣхъ этихъ произведена, глубоко однородныхъ и представляющихъ какъ бы антитезу мучительно-безпокойнымъ созданіямъ въ родѣ «Записокъ изъ подполья», «Pro и Contra» и «Легенды о Великомъ Инквизиторе»; это—рафаэлевскія черты, это—его успокоеніе, которое мелькаетъ намъ сквозь бури Мпкель-Анджело. За этимъ романомъ следовали «Бѣсы» и «Подростокъ», первый изъ нихъ—единственная у Достоевскаго широкая бытовая картина, второй представляетъ въ характере главнаго лица кое-что, что мы находимъ въ «Игроке»; это—онъ же, но еще въ отрочестве и не съ такимъ печальнымъ кошмомъ; несмотря на недостатки въ построеніи цѣлаго, есть отдѣльныя места въ этомъ романе удивительна[™] изящества. Последнимъ художественнымъ трудомъ Достоевскаго былъ романъ «Братья Карамазовы»; «карамазовщина»—это названіе все болѣе и болѣе становится столь же нарицательнымъ и употребительнымъ, какъ ранее его возникшее названіе «обломовщина»; въ последнемъ думали видѣть определеніе русскаго характера; но вотъ оказывается, что онъ определяется и въ «карамазовщинѣ»; не правильнее-ли будетъ думать, что «обломовщина»—это состояніе человека въ его первоначальной непосредственной ясности: это онъ, дѣтски чистый, эпически спокойный, въ момента, когда выходитъ изъ лона бессознательной исторіи, чтобы перейти въ ея бури, въ хаосъ ея мучительныхъ и уродливыхъ усилій ко всякому новому рожденію; «карамазовщина»—это именно уродливость и муки, когда законы повседневной жизни сняты съ человека, новыхъ онъ еще не нашель, но, въ жажде найти ихъ, испытываетъ движенія во всѣ стороны, чтобы изъ самаго страданія своего въ момента нарушенія истинныхъ и священныхъ—найти, наконецъ, эти послѣдніе и подчиниться имъ. Какъ художественное произведете, романъ «Братья Карамазовы» отличается недостатками построенія; но онъ выделяется по совершенно особенной силѣ и значительности нѣкоторыхъ своихъ эпизодовъ. Таковы уже указанныя нами главы «Pro и Contra» и «Великій Инквизиторъ», центральныя не только по отношенію къ роману, въ которомъ онѣ содержатся, но и по отношенію ко всему длинному ряду произведеній Достоевскаго, которыя можно разсматривать, какъ предварительныя, неясныя и неполныя варіаціи мучительной темы, вылившейся неожиданно почти, почти безъ связи съ романомъ, въ этихъ названныхъ главахъ, по времени написанья—почти предсмертныхъ. Геній писателя поднимается здѣсь на высоту, на которую еще не восходилъ до него никто въ художестве: въ чудной сценѣ, где представляются, въ узкомъ подземельи, вновь сведенными Хри-

стось и человекъ, - Богъ принимаетъ исповѣдь ОТЪ твари своей за **всѣ тысячелѣтія** ея страданій, смрада, грѣха и **могучихъ** и **напраенныхъ усилій** превозмочь это; было бы затруднительно въ **цѣлой** всемірной литературе **найти** какія-нибудь **аналогіи** этой **сценѣ**; чтобы отыскать ихъ, нужно обратиться къ **памятникамъ** письменности **совсѣмъ** другого рода. Это опять **передъ** нами **Іовъ**, но, сообразно **новымъ** тысячелѣтіямъ страданій и опыта, **рѣчь** его становится сложнее, мысль проникновеннее, да и онъ самъ говоритъ **уяіе** не о своихъ **страданіяхъ**, не о странной причудливости **своей** только судьбы, но за все человечество, за **всѣ вѣка** его **необъяснимыхъ** судебъ. **Событіе** **тѣсное**, частный эпизодъ въ земле **Уцъ**, съ похищенными стадами, потерянными **дѣтьми**, какъ будто раздвинулось въ необозримую панораму всемірной **исторіи**, сохранивъ однако свой смыслъ и **имѣя** для себя **тѣхъ** же виновниковъ. Только положеніе этихъ **виновниковъ** взаимно переместилось, и это есть, кажется, самая важная черта, какую новые века внесли въ **смысль** **сѣтованія**, столь древнихъ: дерзкій вопросъ уже не **находить** себе **отвѣта**, **спрашивающій**—до конца **спрашиваетъ**, и, наконецъ **ь**, мы не различаемъ, **кто** же именно спрашиваетъ? Граница между **человѣкомъ** и **искушающимъ** Бога **дьяволомъ** **исчезаетъ**, ихъ образы сливаются, **смысль** ихъ словъ становится тождественъ, и весь эпизодъ получаетъ невыразимо **тягостный** смыслъ. **Нѣтъ** болѣе праведнаго **Іова**, и не **будетъ** для него **утѣшенія**; есть **Іовъ** другой, безъ **утѣшенія**, безъ **веры**, который такъ **яге** покрытъ **проказой**, на томъ же сидитъ **гноищѣ**, но уже безъ **какого-либо** смысла своего страданія, только **ощущающій** его **боль**, **ропота** котораго переходитъ въ **темный** хаосъ словъ. **Вѣра-ли** это? **Безвѣріе-ли**? Какой **окончательный** **смысль** сцены? Его **договорить** **исторія**,—мы же **знаемъ** только, что **никогда** не являлось болѣе **точного**, болѣе **правильнаго** **выраженія** того, до чего **Высшимъ Промысломъ** доведена эта **исторія** къ **нашему** **многозначительному** и **тревожному** моменту.

Намъ остается сказать очень немного словъ о внешней жизни **Ө. М. Достоевскаго**, после **возвращенія** его въ **Россію** и **основапія** журнала. Въ 1862 г. онъ совершилъ первую поездку за границу, **впечатлѣнія** которой **разсказаны** **пмъ** въ **рядѣ** прекрасныхъ очерковъ: *«Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ»*. Въ 1864 г. онъ потерялъ первую жену и **старшаго** брата, **Михаила**, съ **которымъ** въ **сотрудничестве** **ведъ** журнале. Это былъ годъ самый тяжелый для него и по **внѣшнимъ** **стѣсненнымъ** **обстоятельствамъ** (онъ **принялъ** на себя **всѣ** **денежныя** **обязательства** брата по **вскоре** **закрывшемуся** журналу), и по **грустному** **внутреннему** настроенію: **«изъ** **всего** **запаса** **силъ** и **энергіи** **осталось** у **меня** въ **душѣ** что-то **тревожное** и **смутное**,

что-то близкое къ отчаянно. Тревога, горечь, самая холодная суетня и вдобавокъ— одинъ, прежнихъ и прежняго, сорокалѣтняго, нѣтъ уже при мне», такъ пишетъ онъ, и странно заканчиваетъ: «а между гѣмъ все мнѣ кажется, что я только-что собираюсь ЖИТЬ; СПШНО, не правда-ли? кошачья живучесть!»

И онъ не обманывался: лучшая половина жизни лежала впереди. Въ 1867 г. онъ вступилъ въ новый бракъ (съ Анной Григорьевной, урожденной Сниткиной), которая принесла ему и полную семью (4 дѣтей), и, судя по воспоминаніямъ близкихъ людей, успокоеніе, ставъ около него заботливымъ другомъ. Деятельность его могла теперь развиваться спокойнее, и, вмѣстѣ, труды его—получить лучшее выраженіе. Черезъ два месяца после свадьбы онъ уѣхалъ съ молодою женой за границу, и на этотъ разъ пробылъ тамъ целые четыре года. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію, Италію; живя на очень ограниченныя средства, они вели удивительный образъ жизни, и весь досугъ ихъ уходилъ на обозрѣніе сокровищъ искусства и памятниковъ исторіи, такъ обильно разсѣянныхъ на Западе. Можно предполагать, что, после Сибири, это путешествіе легло второю образующею чертою на сложеніе его идей и сердца; онъ видѣлъ Европу и обдумывалъ Россію,—обдумывалъ въ отдаленіи, не ИМЕЯ передъ глазами тысячи мѣшающихъ дробныхъ впечатлѣній, и, следовательно, въ окончательномъ ея смысле, въ цѣльномъ ея значеніи. Съ этого именно времени мы встрѣчаемъ у него (въ «Подростке», «Братьяхъ Карамазовыхъ», «Дневнике Писателя») самыя проникновенныя слова объ Европѣ и зоркое прозрѣніе въ будущность Россіи, сближенія и противопоставленія этихъ двухъ столь несхожихъ міровъ. Въ 1871 г. онъ вернулся въ Россію; зимы проводилъ онъ, обыкновенно, въ Петербургѣ, а лѣто—въ Старой Руссе, где вскоре купилъ домъ съ большимъ стариннымъ садомъ и куда, вмѣсто дачи, переселялся на лѣто. Время отъ времени онъ возобновлялъ поѣздки въ Эмсъ, на два лѣтніе мѣсяца, для поправленія здоровья. Еще до ссылки въ Сибирь, у него были признаки неопредѣлившагося какого-то нервнаго заблѣванія; позднее, развиваясь болѣе и болѣе, болѣзнь обнаружилась, наконецъ, какъ падучая. Припадки возобновлялись несколько разъ въ ГОДУ, — въ трудное для него время учащаясь (описаніе ихъ мы находимъ въ «Идіотѣ»; о томъ, какъ только назрѣваетъ эта болѣзнь, упоминается въ «Вѣсахъ»). Такъ, болѣе и болѣе улекаясь отъ волновавшихъ ее прежде нуждъ и огорченій, текла теперь мирно его жизнь. Высшимъ моментомъ ея, въ смысле торжества его генія, яркости выраженія его природы, можно считать дни Пушкинскаго праздника (открытіе памятника Пушкину

въ Москвѣ, въ іюнѣ 1880 г.). Въ течете всей жизни, съ раннихъ лѣтъ, Достоевскій хранилъ въ себе какой-то особенный культа Пушкина; нѣта сомнѣнія, что въ натуре своей тревожной, мятущейся, тоскливой, онъ не только не имѣлъ ничего родственнаго съ спокойнымъ и яснымъ Пушкинымъ, но и былъ какъ бы противоположеніемъ ему, сблизаясь съ Гоголемъ, и, еще далее, быть можетъ, съ Лермонтовымъ; съ тѣмъ различіемъ, однако, что онъ вѣчно жаждалъ успокоенія, какъ тѣ, тревожась, искали новыхъ тревогъ. Пушкинъ былъ для него этимъ успокоеніемъ; онъ любилъ его, какъ хранителя своего, какъ лучшаго оберегателя отъ смущающихъ идей, позывовъ, — всего, что онъ хотѣлъ бы согнать въ темъ небытія и никогда не могъ. Этимъ оберегателемъ, онъ чувствовалъ, Пушкинъ можетъ стать и для каждаго; можетъ стать пмъ, наконецъ, для народовъ, и особенно въ моменты великихъ внутреннихъ тревогъ, въ которые, невидимому, всѣ они болѣе и болѣе входятъ. Съ дивною гармоніей его поэзіи не могутъ бороться хаотическія начала человеческой души; они улегаются отъ нея, противоречія смолкаютъ, сомнѣнія и темные помыслы отходятъ далѣе; его муза — это, какъ арфа Давида, она и невыносима для нашего слуха, но, если бы мы могли ее вынести, принять въ свое сердце, въ ея звукахъ нашли бы успокоеніе для своей души. Вотъ невысказанныя и, быть МОЯЕТЬ, не сознанныя основы великой любви творца «Легенды объ Инквизиторе», «Pro и Contra» къ творцу «Онѣгина», «Капитанской дочки», создателя образовъ Свидригайлова, Карамазовыхъ—къ создателю Татьяны, летописца Пимена.

Во всемъ этомъ есть, однако, некоторая ошибка, скорее иллюзія, и она сказала въ знаменитой Пушкинской рѣчн *): этотъ экстазь, этотъ призывъ къ всемірному братству, этотъ вопросъ объ единичной человеческой душѣ, на замученности которой по-смѣть-ли человечество устроить свое окончательное счастье — разве это Пушкинское? Развѣ это его покой? Разве это покой какой-нибудь? Пушкинское осталось въ безграничной дали, отделенное отъ словъ этихъ безпросвѣтнымъ хаосомъ, изъ котораго, однако, душа великаго художника имѣла силы подняться къ новому свету. Но тотъ-ли это свѣтъ? Первоначальный-ли, естественный, эпически ясный? Это просвѣтлѣніе, возрожденіе, это уже свѣтъ другой и по происхожденію, и по природе, и по его вліянію на человеческую душу. Извѣстенъ взрывъ особенныхъ чувствъ, который вызвала рѣчь Достоевскаго; здѣсь были слезы, кажется, мучительныя слезы. II Пушкинъ читалъ свои произве-

*) Она помещена въ «Дневнике Писателя», 1880 г., августъ (единственный номеръ за этотъ годъ).

ченія, — тамъ былъ восторгъ; но кто же «едва **имѣя** силы до-
браться до **вострады**, упал* безъ **чувствъ**»... Мы **хотимъ** сказать,
что не **въ слушающихъ** только, но и въ **сердцахъ**, изъ котораго
лились эти проникновенныя слова, была уже совершенно другая
психическая атмосфера, нежели **какою** жили и дышали люди
Пушкинской эпохи; то время умерло, я навсегда: худшее или
лучшее, **но** навсегда же наступило другое время.

После этой **рѣчи** онъ жилъ всего несколько месяцевъ. Въ
январе 1881 г. онъ захворалъ **припадкомъ** давнишней своей бо-
лезни, эчфиземы, которая въ ночь на 26-е осложнилась **разры-**
вомъ легочной **артеріи**; рассказываютъ, что во **всѣ сомнительныя**
минуты жизни онъ **имѣлъ обыкновеніе** раскрывать на удачу то
Евангеліе, которое было съ нимъ въ Сибири, и читать **верхнія**
строки открывшейся страницы. Такъ онъ сделалъ и теперь, въ
день кончины (28 января), когда ему было трудно. Откры-
лось Мато. гл. III, ст. 11: «**Іоаннъ** же удерживалъ Его и гово-
рилъ: мне надобно креститься отъ Тебя и Ты **ли** приходишь
ко Мне? Но Іисусъ сказалъ ему въ ответъ: **не** удерживай, ибо
такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду». Когда жена
прочла ему эти строки, онъ сказалъ ей: «ты **слышишь — не удер-**
живай; значить, я умру». Въ тотъ же вечеръ, **благословивъ** де-
тей и жену, онъ умеръ.

Необозримыя массы народа собрались къ его гробу въ день
похоронъ; и какъ, въ теченіе жизни, онъ не былъ для людей
только писателемъ, такъ не писателя только собрались хоронить
эти люди: всегда, и прежде, и теперь, онъ **имѣлъ** силу волновать
человеческія сердца совершенно особымъ **родомъ** чувствъ. **Что** же
это были за чувства? Кого хоронили тогда? Кого потеряла Россія въ
немъ? Проще всего будете сказать, что это былъ одинъ изъ **насъ**,
отъ нашей кости и плоти человекъ, но такъ неизмеримо **болѣе** насъ
пережившій. такъ въ неизмеримо большее **прозрѣвшій**, **что это**
прозрѣніе естественно представляется намъ, какъ мудрость; не та
мудрость, чтб составляетъ плодъ умственныхъ выкладокъ, и кото-
рую мы любимъ, какъ предметъ любопытства, но не считаемъ
ее достаточно серьезною, чтобы по ней **жить**, — **но** мудрость сердца,
которой мы **ищемъ** именно для того, чтобы научиться, какъ
жить. **Всѣ** другіе дары дала ему природа, этотъ онъ **приобрѣлъ**
и имъ **сталъ великъ**.

31 іюля 1893 г.

В. Розанове.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.